

Н. Л. САХАРНЫЙ, Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. (Архангельский государственный педагогический институт), Архангельск, 1957, 379 стр.

Книга Н. Л. Сахарного представляет собою положительное явление в нашей науке о древнем мире. Автор этой книги, используя обширный библиографический материал и фиксируя свое внимание на многих вопросах, выявленных в гомероведении за по

---

⁵ Ч ж а н Ш у н ь - х о й, ук. соч., стр. 74; Ц з и н ь Ю й - ф у, История китайской историографии (на кит. яз.), Шанхай, 1957, стр. 40.

следние десятилетия, стремится быть на уровне современного изучения Гомера. Книга состоит из двадцати пяти глав, почти каждая из которых посвящена одной или даже нескольким важнейшим темам. Среди этих тем мы встречаем такие, которые раскрывают мировоззрение эпического поэта (например, «Жизнеотношение», гл. II; «Честь и слава в „Илиаде“», гл. X), социальные взаимоотношения (например, толкование образа Ферсита, гл. V; оценка войны, гл. VII; роль народных масс у Гомера, гл. IX), значение ремесла и искусства («Труд, Умение, Искусство», гл. XIV; «Проблемы гомеровского искусства», гл. XV), характеры героев («Диомед, Аякс», гл. VIII; «Ахилл», гл. XI), особенности стиля эпической поэмы («Эпическая трагедия», гл. XII; «Ирония», гл. XIII) с упором на реалистические моменты («Искусство реалистического изображения внутреннего облика и душевных перемен», гл. XVI; «Реализм детали», гл. XVII), на психологический анализ (гл. XVI, а также «Заинтересованность Гомера», гл. XVIII) и на поэтический язык (например, «Гомеровские сравнения», гл. XIX; «Перифразы», гл. XX; «Метафоры», гл. XXI; «Эпитеты», гл. XXII; «Гномы», гл. XXIII). Вся эта довольно сложная и многообразная композиция замыкается главой, в которой выясняется, как пишет сам автор, «сплав народной и индивидуальной поэтики в „Илиаде“».

Как видно из этого перечисления, проблемы, поставленные автором, поистине чрезвычайно важны, своевременны и широки. Даже при беглом обзоре труда Н. Л. Сахарного сразу бросается в глаза эта насыщенность и многоплановость в изложении материала, рассчитанная, несомненно, на целый ряд обширных исследований и неизбежно приводящая в одной небольшой книге к своего рода конспективности, торопливости и недоговоренности.

Н. Л. Сахарный особенно выдвигает несколько проблем — народность «Илиады», отношение Гомера к войне, характеристики эпических героев, а также элементы реалистического изображения внутренней жизни человека, его душевного состояния. Совершенно справедливо Н. Л. Сахарный считает одной из основных проблем гомероведения проблему народности гомеровского творчества (стр. 18—43). Касаясь проблемы социально-исторического содержания поэм Гомера, Н. Л. Сахарный совершенно правильно исходит из решения этого вопроса классиками марксизма-ленинизма и современными советскими историками, рассматривающими период разложения общинно-родовой формации как историческую основу гомеровского творчества (стр. 12—15). Большое значение автор придает вопросу об отношении Гомера к войне, выдвигая у Гомера на первый план апофеоз войны и военной героики, но резко отрицательное отношение к войне, понимание войны как глубочайшего народного несчастья. Этому вопросу посвящены две весьма выразительно написанные главы книги (VI—VII).

Автор прекрасно понимает гомеровское жизнеутверждение (стр. 47 сл.), хотя в то же время не забывает и элементов пессимизма (стр. 49—53), совершенно правильно считая, что односторонность трактовки взгляда на жизнь у Гомера приводит к модернизму и субъективизму (стр. 46)¹. Судьбу у Гомера он вместе с лучшими критиками и литературоведами понимает не как внешнюю механическую силу, но как то, что составляет «сущность» человека (термин этот автор берет у Гегеля, см. стр. 53—57). Автор особое внимание уделяет эпическому изображению человека. Он дает нестандартные характеристики Агамемнона как жалкого труса, хищника и глупца (стр. 77—82), Ферсита (стр. 86—99) — не народного трибуна, но аристократа, разложившегося до степени антипатриотического демагога, Диомеда и Аякса с их непоколебимым и стихийным героизмом и беззаветной преданностью своей родоплеменной жизни, Ахилла с его трагедией чести и пылким темпераментом (стр. 147—160), Гектора, в котором автор, кроме патриотизма и твердости, находит весьма живые черты эмоциональности, самообольщения и наивности (стр. 167—173), Париса с его постоянным

¹ Мы бы указали на интересную в этом отношении статью M. Tait, *The Tragic Philosophy of the Iliad*, «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», LXXIV (1943).

стремлением обогатиться на чужой счет и эгоистически использовать верность народа (стр. 167—170).

Но автор, как мы уже говорили, вовсе не ограничивается только идеологией гомеровской поэмы и характеристикой его героев. Он глубоко входит также и в анализ ее художественного стиля. Здесь является очень ценной мысль автора о гомеровских поэмах как о эпической трагедии, что звучит весьма убедительно и свежо (стр. 161—166). «Илиада», согласно воззрениям автора, не только трагична, но еще и иронична (стр. 174—184), полна света, цветов и красок, полна изображений предметов искусства (стр. 185—198). Автор пытается найти движение и перемены в тех эпических образах, которые обычно считались стандартными и неподвижными, отметить внимание художника не только к великому, но и к малому (стр. 230—238), реализм деталей (стр. 239—257) и субъективную заинтересованность художника вместо пресловутого «эпического спокойствия» (стр. 252—262)². Мимо автора не прошли и стилистические приемы Гомера, вроде сравнений, перифразов, гном и т. д., которым в книге посвящаются большие главы.

Таким образом, читатель найдет в книге Н. Л. Сахарного довольно полный обзор главнейших проблем стиля и мировоззрения Гомера в живом и часто увлекательном изложении с приведением многих цитат из Гомера и со ссылками на большую гомероведческую литературу как на русском, так и на иностранных языках.

Однако многие, и притом самые главные, мысли автора не представляют собою абсолютной новизны. Это, разумеется, несколько снижает полезности, нужности и интереса книги, написанной Н. Л. Сахарным. Но, с точки зрения специалиста-филолога, почти для каждого тезиса Н. Л. Сахарного можно привести соответствующие исследования из недавнего прошлого, причем исследования эти либо остались автору неизвестными, либо он не нашел нужным на них сослаться в данных пунктах.

Так, тема народности «Илиады» была разработана в прекрасной статье В. М. Дьяконова³. Один из главных тезисов книги Н. Л. Сахарного об осуждении Гомером ужасов войны был высказан еще в 1929 г. В. Шмидом с приведением большого числа текстов⁴. Различное понимание судьбы Гомера в изложении Н. Л. Сахарного в более систематическом виде было предложено в известном труде Е. Бухгольца еще в 70—80 гг. прошлого века⁵, а в дальнейшем — в труде Э. Хедена⁶. Очень интересные мысли о «заинтересованности» Гомера, или гомеровских ремарках (гл. XVIII) были тщательно разработаны в 1938 г. известным американским филологом Бассеттом⁷. Понимание гомеровских поэм как эпической трагедии не раз подчеркивалось в древности. Об этом пишет и сам автор в гл. XIII. В наше время эта трактовка представлена в исследованиях 20—30 гг.⁸ Мысли об изображении Гомером простой мирной жизни людей талантливо проведены в книге бельгийского исследователя А. Северина⁹. Н. Л. Сахарный пишет о Гомере как о первом поэте разума (стр. 69), чему посвящена вся глава III. Но еще в 1921 г. Т. Шеффер сделал эту мысль центром своей известной книги о Гомере¹⁰,

² К сожалению, автор в данной XVIII гл. совсем не ссылается на S. E. B a s s e t t, *The Poetry of Homer*, Berkley, Calif., 1938, идеями и текстами которого он здесь, очевидно, воспользовался.

³ В. М. Дьяконов, О народности Илиады, «Уч. зап. Кировского пед. инст.», вып. II, 1940.

⁴ W. S c h m i d u. O. S t ä h l i n, *Geschichte der griechischen Literatur*, I, München, 1928, стр. 80 сл.

⁵ E. B u c h h o l z, *Die Homerische Realien*, I—III, Lpz, 1871—1884.

⁶ E. H e d è n, *Homerische Götterstudien*, Uppsala, 1912.

⁷ B a s s e t t, ук. соч.

⁸ G. R. T h r o o p, *Epic and Dramatic*, «Washington University Studies», Human Ser., V (1917), XII (1924); B a s s e t t, ук. соч.

⁹ A. S e v e r i n s, *Homère, III, Homère l'artiste*, Bruxelles, 1948.

¹⁰ Ть. в. S c h e f f e r, *Die Homerische Philosophie*, München, 1921.

которую Н. Л. Сахарный, кстати сказать, резко отвергает как не вносящую «ничего существенного в понимание гомеровского мирозерпания» (стр. 44).

Сказанное, разумеется, не означает того, что основные идеи книги Н. Л. Сахарного сколько-нибудь теряют в своей значимости и в своей полезности для широкого читателя. Книга свидетельствует о том, что автор находится на уровне современного гомероведения и может ознакомить широкого читателя с такими проблемами науки о Гомере, которые ранее были доступны только узким специалистам.

Мы уже сказали выше, что Н. Л. Сахарный дает нетрафаретные характеристики гомеровских героев. Однако нам кажется, что некоторые из них могут вызвать дискуссию. Спорной, на наш взгляд, является характеристика Агамемнона, которого автор рисует как олицетворение ββρις, деспота, хищника, насильника и разрушителя общинно-родовой этики (стр. 77—81). Облик этого «пастыря народов», хотя мы в корне здесь не согласны с автором, получился очень выпуклым и насыщенным мрачными красками. В целом характеристика Агамемнона, которому присущи «деспотическая жестокость», «недопустимое малодушие», «трусость», «бестактность», «грубость», «хитрость», «гордость», «властолюбие», «высокомерие», которого Н. Л. Сахарный называет «нажившимся на торговле, на военной добыче, на разбое и грабеже, зазнавшимся ба-силеем, деспотом и мироедом», полным «хищнической жадности», «безудержной наживы», «лишенным стыда», «чувства жалости, сострадания, человечности», «злопамятным и мстительным», «аристократическим главарем», «хищником-мироедом» — эта характеристика, повторяем еще раз, несмотря на эффективность и стремление ее автора выйти за рамки схемы, совершенно искажает гомеровский образ Агамемнона. Происходит же это благодаря некоторой модернизации «Илиады». Агамемнону противопоставляется Ахилл — истинный представитель народа и безупречный герой. И тот и другой герои, несомненно, представлены слишком односторонне. Даже сам Н. Л. Сахарный, очевидно, чувствует это, так как в гл. XV (стр. 205 слл.) он пытается раскрыть именно противоречивость образа Ахилла, которая не соответствует первоначальной однолинейной его характеристике как представителя общинно-родовой этики в противоположность ее «нарушителю» Агамемнону.

Вообще надо сказать, что ни Агамемнону, ни Ахиллу явно не повезло при обрисовке их характеров в литературе по Гомеру. Если Одиссей с его ловкостью, умом, страстью к жизни и сказочной фантастикой и красочностью (он — внук самого хитреца Гермеса) интересно исследован в работах В. Стэнфорда¹¹ или П. Филиппсона¹², если Гектор нашел своего выразительного истолкователя и комментатора в В. Шадевальдте¹³, если Нестор штрихами тончайшего юмора рисуется В. Хартом¹⁴, то нас совсем не удовлетворяет все то, что многократно говорилось об Агамемноне и Ахилле, хотя еще в старой работе П. Кауэра¹⁵ выдвигался ряд живых, интересных черт в образе этих героев в связи с различными ситуациями поэмы. Реакция на стандартное и невыразительное понимание Ахилла не замедлила наступить в последнее время. Но исследователи явно бросаются в крайности, чересчур модернизируя его и направляя свой анализ по линии современного уточненного психологизма. Н. Л. Сахарный, на наш взгляд, не избежал этого в своей трактовке Ахилла как «романтического, трагического героя общинного идеала чести» (стр. 160). «Честь, — по мнению автора, — ведет Ахилла к катастрофе» (стр. 158). Но, пройдя через горнило глубочайших страданий, он осознает «свою роковую вину» (там же). Н. Л. Сахарный создает здесь, можно сказать, целую «трагедию чести» и критикует Гегеля за то, что тот в своей «Эстетике» «страп-

¹¹ W. B. S t a n f o r d, The Ulysses Theme, Oxf., 1954.

¹² D. P. P h i l i p p s o n, Die Vorhomerische und die Homerische Gestalt des Odysseus, «Museum Helveticum», 1947, стр. 8—22.

¹³ W. S c h a d e w a l d t, Hektor in der Ilias, «Wienerstudien», 1956, т. 69; он же, Von Homers Welt und Werk, L., 1944.

¹⁴ W. M. H a r t, High Comedy in the Odyssey (Univ. of Calif. Publ. in class. Philol., т. 12, № 14), Berkley, 1943.

¹⁵ P. C a u e r, Homer als Charakteristiker, «N. J. f. d. kl. Alt.», 1900, стр. 606.

но противоречиво» (стр. 150) оценивает этот момент в гнев Ахилла. Нам кажется, что автор совершенно неосновательно находит противоречия у Гегеля, который пишет, что мотив чести не был известен Гомеру и что Ахилл обижен только в отношении некоего реального дара, получив который с придачей еще больших даров, он чувствует себя вполне удовлетворенным. Напомним, что М. Гоффманн¹⁶ в своем интересном терминологическом исследовании еще в 1914 г. установил, что в нашем современном виде этические понятия у Гомера не встречаются, почему и нарушение норм поведения восстает чистым материальным путем, не оставляя следа обиды или горечи (например, пеня за убийство) у человека. В 30-х годах эти идеи Гоффманна развил К. Эрффа¹⁷. Жаль, что Н. Л. Сахарный в вопросах о чести, а также о *ἄβρις*, в которой он обвиняет Агамемнона, не использовал этих работ, хотя он и упоминает в своем изложении работы подобного характера (стр. 122, 144, 146).

Такая же односторонняя тенденция чувствуется и в правильной мысли автора об антивоенных настроениях народных масс в «Илиаде». Несомненно, здесь дело обстоит гораздо сложнее. И сам автор это хорошо знает, так как пишет о справедливой для греков войне против Трои; но тогда антивоенное настроение народных масс уже будет являться не признаком патриотизма, а симптомом разложения. Да и сами народные массы не всегда настроены против войны, а наоборот, даже жаждут ее, как, например, мирмидоняне Ахилла. Хотелось бы внести большую ясность в объединение у Гомера строгого и сурового «жизнеотношения» (термин автора — *A. T.-G.*) с бурлеском богов (стр. 60 сл.), да и не только богов, но и героев. Данный вопрос, естественно, связан с толкованием старого и нового у Гомера. Чем с этой точки зрения является нападение смертного героя Диомеда на Афродиту и Ареса — подлинным героизмом, бурлеском, критикой антропоморфной мифологии или свидетельством древнейших отношений людей и богов?

Многие положения Н. Л. Сахарного проигрывают в убедительности, так как они не подкрепляются исчерпывающим подбором текстов, без которых трудно делать решительные выводы и в историческом, и в филологическом исследовании. Выборочный метод приведения текстов никогда не даст подлинного эффекта. В наше время, при наличии гомеровских словарей, такой подбор текстов обязателен. Цифры, которые иной раз приводит Н. Л. Сахарный без текста, мало что говорят. Например, на стр. 291 автор пишет о «трагическом перифразе», который, по его словам, встречается 147 раз. Однако сами тексты не приводятся, и цифру проверить трудно. Хотелось бы также иметь точные указания мест поэмы, откуда приводятся автором тексты (например, стр. 294, 297, 306), чтобы можно было их сличить с подлинником. Автор много раз ссылается на гомеровских схолиастов, но какого схолиаста в каждом отдельном случае он имеет в виду, неизвестно. Указание только того места, которое комментировалось схолиастом, здесь недостаточно (стр. 46, 86, 94, прим. 1; стр. 95, прим. 1; стр. 98, прим. 2; стр. 101, прим. 2). Вообще надо сказать, что ссылки в данной книге надо было оформлять гораздо внимательнее и тщательнее.

На стр. 46, прим. 2, цитируется Гераклид Понтийский, но издание не указано. «Риторика» Аристотеля цитируется по главам, но из какой книги «Риторики» берутся эти главы, не говорится (стр. 309, прим. 1—3, 5). На стр. 185, прим. 2, делается ссылка на «Этику» Аристотеля, но какая «Этика» Аристотеля имеется в виду, неизвестно. На стр. 105 говорится об «Алкивиаде» Платона; но у Платона два произведения «Алкивиад». Невозможно цитировать Платона по страницам перевода Карпова, так как имеется принятая решительно везде пагинация по изданию Стефана. Русский перевод известного труда Негельсбаха о Гомере «*Homerische Theologie*» появился вовсе не целиком, но только в виде отдельных глав, а из прим. 7 на стр. 45 следует, что целиком. На стр. 74, прим. 2, приводится Стобей: *Stob. T. 22, 31*, но что такое «Т», какое издание Стобея надо смотреть и что означают эти цифры, неизвестно.

¹⁶ M. H o f f m a n n, *Die ethische Terminologie bei Homer*, Tüb., 1914.

¹⁷ C. E r f f a, *Aidos und verwandte Begriffe in einer Entwicklung von Homer bis Demokrit*, «*Philology*», Suppl. XXX, 2, 1937.

Все эти неточности и недосмотры вместе с отсутствием исчерпывающего приведения текстов по ряду вопросов очень досадны в книге Н. Л. Сахарного и мешают ей стать точным филологическим исследованием. Нам кажется, что многих погрешностей автору данной книги можно было бы избежать, если бы он сосредоточил свое главное внимание на одной какой-нибудь проблеме гомероведения или максимум на двух-трех. Тогда, конечно, можно было бы в исчерпывающем виде привести и филологический материал и дать более глубокий социальный анализ эпохи, выяснить более четко собственную позицию в гомеровском вопросе и избежать некоторой модернизации гомеровских героев.

Пытаться в одной книге обозреть множество проблем о Гомере и всему произнести свой приговор — задача, разумеется, чрезвычайно трудная.

В целом же книга Н. Л. Сахарного интересна и полезна. Она акцентирует внимание на многих забытых и малоисследованных сторонах творчества Гомера, знакомит широкие круги советских читателей с новыми вопросами гомероведения, а наших филологов-классиков побуждает к дальнейшему углубленному исследованию «Илиады» и «Одиссеи» по отдельным проблемам, уже с учетом всего богатства текстового материала эпических поэм.

А. Тахо-Годи